

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

А.Л. Юрганов

О ПЕРВОМ ОПЫТЕ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ОБЪЯСНЕНИИ «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА» (1957 ГОД)

Андрей Львович Юрганов – доктор исторических наук, профессор. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: iurganov@yandex.ru

В статье рассматривается ситуация в СССР после XX съезда КПСС, когда рухнули некоторые идеологические запреты и стало возможным обсуждать философские проблемы без опасения, что за высказанные идеи может последовать наказание. Это не значит, что свобода слова стала полномасштабной – нет, она была ограничена решениями того же XX съезда партии, который, развенчав культ Сталина, тем не менее запрещал думать, что вся идеология коммунистической власти была ложной, а вся политика советской власти была насильственной. Уже в годы войны стало возможным говорить не только с позиций классовой борьбы, но и с позиций национального приоритета в оценках тех или иных событий. После смерти Сталина, главного теоретика национального вопроса, возникла потребность поставить под сомнение некоторые фундаментальные тезисы Сталина о природе наций – о причинах их возникновения. Х.Г. Аджемян, будучи талантливым публицистом, философом, добился в 1957 г. публичного обсуждения своего доклада в Отделении исторических наук АН СССР. Обсуждение не было широким, но сохранившаяся стенограмма выступлений участников дает представление, как философская мысль в эпоху XX съезда освобождала себя от догматических установок. Провокационный доклад Аджемяна обнажил внутреннее сознание гуманитарной науки, стоявшей на перепутье дорог. Это кризисное состояние истории и философии представляет интерес и исследуется в данной статье.

Ключевые слова: марксизм, национальный вопрос, нация, Аджемян, Сталин, XX съезд КПСС

Для цитирования: Юрганов А.Л. О первом опыте десталинизации в философском объяснении «национального вопроса» (1957 год). Предисловие к архивной публикации // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 1. С. 138–157.

1 июня 1957 г. ученый секретарь Отделения исторических наук АН СССР Ю.В. Бромлей оповестил научную общественность о том, что скоро, в двадцатых числах июня, состоится обсуждение тезисов Х.Г. Аджемяна, посвященных критике теоретических оснований концепции о буржуазном происхождении нации. Однако обсуждение было перенесено на осень. 28 ноября 1957 г. состоялось наконец заседание с обсуждением тезисов Аджемяна. Его не забыли, а помнили как одного из самых ярких полемистов

на знаменитом совещании 1944 г. в ЦК ВКП (б), посвященном проблемам исторической науки...

После критических замечок Сталина на статью Энгельса (1934) историческая наука испытала состояние раскола и глубокого кризиса: трудно было утверждать как истинные (с отсылками на одни и те же первоисточники = цитаты «классиков») две установки, которые между собой конкурировали за право утверждать первенство своей *предваряющей идеи* – либо классовой борьбы, либо национального интереса. Это размежевание было настолько существенным, что сторонники классового подхода испытывали трудности даже в большей мере, чем появившиеся апологеты национальной точки зрения на природу исторических событий¹.

Опираясь на слова Сталина, они утверждали, что спор идет именно о признании или непризнании национального интереса в истории России как первоочередного, предваряющего классовую борьбу. Об Аджемьяне академик А.М. Панкратова, самый яркий сторонник классового подхода к истории, писала в своих «Записках» так: «Что это за фигура, я точно не представляю себе. Он член Союза писателей, философ по образованию, историк по склонностям, поэт-переводчик по специальности, армянин по национальности. Он прислал к нам в “Исторический журнал” свою статью на тему “О социальной сущности кавказского мюридизма”. В этой статье, как и в лекциях Тарле, все было поставлено на голову и в том же направлении. Это была статья, в которой вопрос о мюридизме был только на самом последнем плане. На первом плане подчеркивалось, что классовая борьба в истории устарела, что слова первой строфы гимна о “Великой Руси” надо толковать так, что царская Россия объединила все народы и принесла им прогресс и культуру. Он подчеркивал, что Пугачев и другие вожди народных движений реакционны, так как разрушают государство, а Екатерина II и другие цари более прогрессивны, так как они укрепляли и расширяли государство»².

А.М. Панкратова была потрясена выступлением Аджемьяна на совещании в ЦК ВКП (б). Он зачитал большую часть своей статьи о природе мюридизма. Удивлены были и все остальные: «Чтение продолжалось свыше часа. Впечатление было неотразимое. Собравшиеся *не верили своим ушам и глазам* (курсив мой. – А.Ю.). В президиуме молчали и внимательно слушали»³.

Никто не осмелился на совещании вынести окончательное решение – правильно ли думать о первичности национального момента в рассмотрении классовой истории человечества? Даже Сталин после совещания не решил задачи, которую сам же поставил: неопределенность окончательного ответа давала ему больше оснований разоблачать идейные ошибки своих мнимых врагов, чем какое-либо определенное решение.

После XX съезда партии отпала необходимость защищать национальную точку зрения на русскую историю, опираясь на критические замечания Сталина в адрес Энгельса. Теперь сама партия призывала критично относиться к теоретическому наследию вождя народов. Это порождало новую перспективу в рассмотрении «национального вопроса», во многом узурпи-

¹ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

² Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 59.

³ Там же.

рованного Сталиным. Статья, принеся ему репутацию человека, понимающего в «национальном вопросе», была опубликована в 1913 г. в журнале «Просвещение» под названием «Национальный вопрос и социал-демократия». В 1914 г. эта статья, замеченная Лениным и Троцким, была издана отдельной брошюрой с тем же содержанием, но под другим названием – «Национальный вопрос и марксизм». После революции Народный комиссариат по делам национальностей еще раз издал брошюру, но под новым названием, в котором ощущалась еще большая претензия автора на право называть себя теоретиком партии, – «Марксизм и национальный вопрос». С таким названием она много раз переиздавалась и вошла во второй том собрания сочинений Сталина⁴.

Определение нации, данное Сталиным, строилось таким образом, чтобы соединить все ее признаки в нерасторжимое единство: отсутствие хотя бы одного признака из определения лишало нацию права считать себя нацией. Вот это определение: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁵.

Историк Б.С. Илизаров подчеркивает: «Не трудно заметить, что такая формулировка может быть применима к любому обществу любой эпохи. В Древнем Риме исторически сложилась устойчивая общность людей (государство существовало около тысячи лет) с общегосударственным языком (латинским), с единой территорией и управлением, с общей экономической жизнью всех провинций, что постепенно приводило к выработке общего психического склада у римских граждан и ко все большей нивелировке культуры. Тех, кто не вписывался в эту “общность”, тех уничтожали... Но в статье Сталина отчетливо прослеживается и вторая линия, согласно которой нация является “не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма”»⁶.

Итак, главная установка большевистской партии и лично Сталина в объяснении нации заключалась в обосновании первенства экономических условий, без созревания которых немислимо ничто другое. Капитализм видится аналогом «бытия» для конкретного рассмотрения истории народа, в котором не может быть опережающего развития надстройки (сознания, культуры и т.д.).

Определение нации, данное Сталиным, не выдержало испытания временем, считает Б. С. Илизаров. Оно упустило важнейший атрибут нации, без которого немислимо все остальное – самосознание людей.

...и сталинская метафизическая, и ленинская диалектическая точка зрения на нацию не выдержали элементарной проверки временем. Пока остаются люди, сознающие свою принадлежность к той или иной нации, до тех пор она (нация) существует, вне зависимости от того, в какой исторической формации они (люди) живут, и даже независимо от того, на каком языке они изъясняются и на какой территории существуют⁷.

⁴ Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. О языковедческой дискуссии 1950 года и проблемах с ней связанных. М., 2102. С. 112.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 127.

Мы видим, что «национальный вопрос» чрезвычайно глубоко привязан к мыслительной установке. Любое конфликтное противостояние, затрагивающее установочное знание, в полной мере показывает горизонт самой науки, ее мыслительные пределы, возможности «переоценки ценностей».

Обсуждение тезисов Аджемяна в 1957 г. обнажило внутреннее сознание науки, когда на пути сомнений и новых философских решений оказывалось трудно изживаемое мифологическое восприятие марксистской доктринальности как единственного мировоззрения, обладающего истиной.

В архиве РАН сохранилась стенограмма этого совещания⁸. Согласно документу, председатель собрания А.А. Губер обратился сначала к Аджемяну, не против ли он сразу начать обсуждать его тезисы, и, получив согласие, спросил, кто хотел бы выступить? Стенограмма содержит запись Аджемяна, сделанную после совещания; в ней он комментирует непростой момент в начале обсуждения, когда, судя по всему, никто не хотел выступать!

[В связи с тем, что наступает долгое молчание и А.А. Губер вновь призывает товарищей высказаться, Х.Г. Аджемян берет слово и отмечает, что созыв столь узкого совещания не мог принести пользу делу. Он берет под сомнение понятие «специалисты по нац. вопросу», которыми будто являются присутствующие товарищи, и полагает, что келейный характер этого узкого совещания стоит в противоречии с тем огромным и живым интересом, который проявляет наша научная общественность к нац. проблеме]. А. Аджемян⁹.

Собралось действительно немного – человек 6–7, не более. Но состав участников все-таки не был заурядным.

Слово взял Б.Ф. Поршнев. Он отметил сразу, что «тезисы Аджемяна предлагают нам коренную ломку всех тех понятий, из которых, я не скажу большинство, по существу все мы, при некоторых разногласиях по отдельным вопросам, исходили»¹⁰.

О главной трудности в восприятии тезисов Аджемяна он сказал предельно ясно: «Трудность эта состоит в том, что марксизм учит, что общественное бытие определяет общественное сознание, – это же, в конце концов, наша исходная позиция, в этом суть материализма в области общественных наук; когда мы изучаем какое бы то ни было идеологическое явление, явление из области истории сознания, познания и т.д., мы ставим это на почву материалистического, экономического развития общества». Главное, стержневое объяснение нации и ее становления в тезисах Аджемяна не может быть принято, потому что оно отрицает установку всей исторической науки – рассматривать сначала экономические предпосылки, а потом уже культурные, исторические, языковые и т.д.

Автор предлагает нам, отказавшись от выяснения экономического содержания или экономической основы, экономической причины существования нации, целиком обратиться к сфере сознания и самосознания. Мне кажется, что т. Аджемян ничего нового этой своей концепцией не предложил, ибо определение нации по признаку, скажем, отнесения себя к определенной нации, т.е. по признаку национального сознания, – это давным-давно уже предлагалось. Еще австро-марксизм не мог преодолеть субъективного подхода к понятию «нация»¹¹.

⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 45.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 4.

Д.В. Мочалов, выступивший вслед за Поршневым, тоже не стал рассматривать аргументы Аджемяна, ибо они для него исходили из другой объяснительной установки, согласно которой первично самосознание людей, а не экономика.

Борис Федорович сказал, что рассмотрение представленных соображений заставило бы нас поставить под сомнение некоторые установившиеся понятия. Что же это за понятия? Вот, например, одно такое понятие: наше представление о национальных движениях и их историческом месте, – то, что говорил Ленин. Говоря об историческом развитии, он отводил определенное место в истории национальному движению; на Западе – это конец XVII века, первые три четверти XIX века. Если мы откажемся от наших марксистских понятий о нации, тогда мы этим явлениям вообще не найдем места в истории и не объясним их¹².

Г.Л. Кабаев, выступивший вслед за Мочаловым, обвинил Аджемяна в том, что его позиция «антимарксистская», «ненаучная», «идеалистическая», «ревизионистская», «буржуазно-идеалистическая», «националистическая», крайне «субъективистская» и даже расистская¹³. Однако Кабаев недооценил полемический талант Аджемяна и сильно стусевался, когда тот уличил его в высокомерии и невежестве.

(Кабаев) Даже в эпоху раннего феодализма и вообще в эпоху феодализма нельзя признать наличие наций, так как члены народности, разделенные на множество княжеств, не имели тесного экономического сотрудничества, экономических взаимосвязей; они были обособлены экономически, не обменивались постоянно продуктами своего труда; более того, веками разоряли, грабили друг друга... Какава же это единая нация? Как вы можете все это опровергать?

Х.Г. Аджемян. А разве арабы – не нация, хотя они и разделены между собою множеством государств и даже нередко дерутся между собою?

Г.Л. Кабаев. В общем т. Аджемян не хочет признавать то, что давным-давно доказано марксизмом, и пытается возродить раскритикованную Сталиным и другими марксистами теорию Бауэра об общенациональном характере. Попытка опереться только на какой-то самодовлеющий национальный дух означает попытку опереться на идеалистов, спиритуалистов, на кого угодно, только не на науку. Я не буду больше задерживать ваше внимание, поскольку об этом можно говорить много и доказывать правоту марксистской теории нации. Но это давно доказано. Должен только сказать, что само название тезисов «Критика взглядов на так называемую буржуазную нацию» – не соответствует основному содержанию. Здесь речь идет не об эпитете «буржуазная» нация, а о самом понятии нация. Тов. Аджемян вообще критикует нашу теорию наций. Самый термин – «буржуазная нация» – он, конечно, не точен. Вернее было бы говорить о термине «капиталистическая нация», связывая это наименование со способом производства.

Х. Г. Аджемян. Хрен редьки не слаще!

Г.Л. Кабаев. Это научно точнее...

Х.Г. Аджемян. А какой труд философов Вы можете назвать, который доказывает эту концепцию?

Г.Л. Кабаев. Есть кое-то в печати.

Х.Г. Аджемян. Я был бы признателен, если бы Вы указали на какой-нибудь источник.

Г.Л. Кабаев. Я думаю, нет больше необходимости обсуждать.

¹² АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 12–14.

Х.Г. Аджемян. Я спрашиваю, на какой труд философов Вы можете указать.

Г.Л. Кабаев. О термине – капиталистическая нация?

Х.Г. Аджемян. В обоснование того, что буржуазная нация – это не точно, а капиталистическая нация – более точно.

Г.Л. Кабаев. Я сейчас не могу назвать статью, но вообще-то в печати есть.

Х.Г. Аджемян. Когда я говорил относительно неудачной организации, я не имел в виду того, что следовало собрать большую аудиторию. Я имел в виду приглашение действительно компетентных товарищей, которые могли бы обсудить эту спорную проблему. И этим я не хотел сказать, что те товарищи, которые почтили наше совещание своим присутствием, некомпетентны. Нет, я имел в виду, чтобы не было фигуры молчания, и чтобы совещание не было ограничено несколькими лицами, потому что эта проблема волнует очень многих, интересует очень многих. И было бы гораздо плодотворнее, если бы мы не так келейно, не так исподтишка организовали это совещание, чтобы присутствовали люди, которым есть что сказать – за или против, это все равно; полагаю, что они сказали бы против, но это было бы гораздо плодотворнее, потому что три человека не могут сказать столько, сколько десять – двенадцать человек. Для такого вывода у меня есть исторический опыт. Я помню, в 1947 году в этом же зале, после трехлетних моих просьб, была организована дискуссия о движении, чтобы пересмотреть те взгляды, ту концепцию, которая существовала в отношении этого движения, сорвать тот ореол национально-освободительной борьбы, который был вокруг Шамиля. И хотя не было особого желания на это, академик Б.Д. Греков внял моим просьбам и организовал подобную дискуссию. И эта дискуссия не была так келейно организована, пришло человек 30–40, выступило 10–12. Все они говорили примерно в том же плане, все говорили, что это «буржуазная теория», что это «ведет к социал-демократическому уклону», ревизионизму, что эта точка зрения не совпадает с тем, что было сказано Марксом и Энгельсом¹⁴.

После выступления Кабаева слово для ответа взял Аджемян. Он весьма обстоятельно стал объяснять свою позицию, обращаясь к каждому из оппонентов. Его общая аргументация сводилась к тому, что он не отрицает экономики как фактора в становлении нации, но не считает его ведущим признаком, которым следует руководствоваться при определении нации.

(Аджемян – Поршневу) Вы говорите, что здесь не дана критика концепции, которая является господствующей. Это ваше замечание я считаю единственно верным, дельным, и я должен объяснить, почему я отказался от критики. Вы можете подумать, что я побоялся дать подробный критический анализ этой концепции. Нет, товарищи, я не боялся этого и не считал это вопросом не достойным внимания. Это было очень важно – дать подробный критический анализ, как вообще возникла сталинская теория о буржуазности наций, о том, что нация могла явиться лишь при буржуазном способе производства, показать резкое различие между ленинским и сталинским взглядами на нацию. Это я и сделал, собственно говоря, в двух авторских листах работы. Там я специально остановился на этом. Но организаторы данного совещания мне посоветовали не выступать с таким докладом, а дать краткие тезисы, в которых я бы не вступал в полемику, не вдавался в критический анализ всего того, что было и есть, а только выдвинуть свои положительные предложения, сформулировал мой взгляд, мою концепцию о том, что такое нация. Я знал, что сочетание позитивного и негативного могло бы только помочь научной разработке вопроса, но так как мне было так предложено, я счел нужным не отказываться от такой

¹⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 45. Л. 18–22.

постановки... В чем, я считаю, порочность и ненаучность тех возражений, которые я сегодня слышал от товарищей? Первое. Все три моих оппонента говорили, что я отбрасываю фактор экономики, а это есть антимарксизм, это есть идеализм. Должен сказать, что это должно быть пересмотрено, потому что у меня нигде не сказано, что экономика тут ни при чем. У меня сказано, что экономическая общность не есть тот критерий, который является определяющим для формирования нации. Без экономики не может существовать не только нация, народ, но и личность, и дикарь без экономической основы не может существовать. Экономика – это основа всего. Но от этого постулата переход к такому суждению, будто бы общность экономики является критерием и решающим условием формирования нации, для перехода народности в нацию, – это дистанция огромного размера, такой скачок очень произволен, и нельзя подменять одно понятие другим, историческую правду – голым силлогизмом. Да, экономическая общность не является фактором, определяющим формирование нации. Но экономика как базис является необходимой не только для нации, но и для любого социального явления, для любого явления общественного развития. Это разные вещи. Поэтому с самого начала говорить, что я, видите ли, отбрасываю экономику, что это идеализм и т.д. – это очень примитивный способ полемики. Это означает просто нежелание вдуматься в то новое, что предлагается; означает желание с самого начала шельмовать оппонента, предъявлять ему ни на чем не основанные обвинения. Должен сказать, что такова же была и предыдущая моя дискуссия с историками по поводу Шамиля. Мне говорили, что выдвигаемые мною положения – это идеализм, что это ревизионизм, социал-демократический уклон и т.д., что я не признаю те отдельные места в переписке Маркса и Энгельса, где они говорят, что Шамиль может сделать то-то и то-то и что хорошо было бы, если бы он помог разгрому российского самодержавия, тем самым сползаю от платформы марксизма к ревизионизму. Все это совершенно разные вещи. Я не хотел бы, чтобы вы не только со мною, но и с любым буржуазным идеологом полемизировали таким примитивным языком, потому что так называемые буржуазные идеалисты тоже очень хорошо понимают, что такое экономика, на то они и буржуазные идеологи...¹⁵

Интересно отношение Аджемьяна к космополитизму, с которым он не соглашался еще в 1944 г., следуя национальной точке зрения на мировые события. Он критиковал методы расправ Берии, которые заменили собой методы просветительские и научные.

Мы только в 1948 году пришли к этой проблеме, когда началась борьба с космополитизмом, – и вели эту борьбу, как вам известно, без понимания, что же такое космополитизм и как с ним покончить. При этом и эта борьба у нас пошла очень неудачно. Не было теоретической разработки этого вопроса, не было ясного понимания того, куда мы идем и чего добиваемся. Тогда не было даже ясного понимания того, что есть тот второй фронт, который у нас долгие годы игнорировался. Даже борьба с покровищиной велась методами расправы, а не методами научного анализа ее антипатриотической сущности. При этом имеется другое очень важное явление, которое вы не хотите видеть, – это именно то, что в тот период, когда шла борьба против космополитизма, именно в этот период шло совершенно ничем не оправданное уничтожение лучших людей нашей партии и наций («Ленинградская оппозиция», т. Вознесенский и т.д.), которых обвиняли именно в великодержавном русском шовинизме. Мы знаем, что ныне эти люди посмертно оправданы. Ясно, что они не были повинны в великодержавном шовинизме. Ясно, что вся эта шумиха, которая тогда была поднята,

¹⁵ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 45. Л. 24–27.

имела целью просто отвлечь внимание от тех дел, которые совершали берийские (так! – А.Ю.) молодчики под эгидой антиленинской концепции о «буржуазности» наций и, в частности, русской нации. Можно ли оторвать эту «теоретическую базу» от тех практических мер репрессивной политики, которые велись долгие годы под лозунгом борьбы с «буржуазным национализмом»?¹⁶

Аджемян заявил нечто, что больше всего пугало научную общественность: «Я говорю, что нация появилась именно как результат развития сознания, при котором сознание вступает в такую новую веху, название которой в философии есть самосознание»¹⁷.

Он утверждал, что позиция Сталина отличалась от рассуждений Маркса и Ленина: «Для того, чтобы ясно обозначить пропасть между этой теорией буржуазной нации Сталина и тем, что мы имеем у Маркса, Энгельса и Ленина, я сошлюсь на простой пример. Можете ли вы найти хоть одно высказывание у Маркса, Энгельса, Ленина о том, что они не считали, что существовали древние нации. Вы не можете этого сказать. Наоборот, мы знаем, что они рассматривали древних греков, древних евреев, древних римлян, китайцев, индусов не иначе, как древние нации»¹⁸.

Выступление Аджемяна возбудило оппонентов, особенно Поршнева и Губера: они перешли от полного непризнания мировоззренческой концепции к спору, в котором решающую роль стали играть аргументы конкретные.

Х.Г. Аджемян. С чего начал т. Поршнев? С того, что общественное бытие определяет общественное сознание. И он понимает это так, что раз возникло буржуазное общество, значит появилось буржуазное сознание. Или раз возникло рабовладельческое общество, значит появилось и рабовладельческое самосознание, рабовладельческая культура и т.д.

А.А. Губер. Но не культура рабовладельцев!

Х.Г. Аджемян. Совершенно верно! Я не хочу сказать, что буржуазная нация – это нация буржуев.

А.А. Губер. Но у вас так получается!

Х.Г. Аджемян. Да нет! Но кому принадлежит ведущая, основная роль в этом изменении, в этой метаморфозе, в переходе народности в нацию? Кто осуществит скачок от царства аморфной народности в царство сложившейся нации? Согласно концепции И. Сталина – буржуазия! Этим и определяется пресловутый термин «буржуазная нация». Этим и определяется неперемutable условие нации – экономической общности, героем которой также была буржуазия¹⁹.

Б.Ф. Поршнев вошел в аргументацию Аджемяна, чтобы найти в ней самые слабые места. Эта ситуация острого и уже не мировоззренческого спора помогла выявить самые существенные стороны представленных тезисов.

Б.Ф. Поршев. Ну, хорошо, не непосредственно, а отдаленно, сложно, – но какую же Вы видите экономическую основу под нацией?

Х.Г. Аджемян. В моем понимании, возникает это на почве рабовладельческого строя – это и есть та общественно-экономическая формация, которая является экономической базой древних наций.

¹⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 45. Л. 28–30.

¹⁷ Там же. Л. 32.

¹⁸ Там же. Л. 34.

¹⁹ Там же. Л. 43.

Б.Ф. Поршневу. Тогда это должно было бы погибнуть вместе с рабовладельческим строем.

Х.Г. Аджемян. Наоборот, мы видим, как тогдашняя письменность, искусство, драма, трагедия не погибли, а развивались при феодализме, еще больше при капиталистическом и еще больше стали развиваться при социалистическом обществе. Нация возникла на почве рабовладельческой формации, но ее значение, цели и исторические судьбы выходят за пределы этой формации²⁰.

Губер был явно обеспокоен тем, что спор ни к чему не ведет, потому что он касается установочных знаний: «...вы подходите к этому вопросу с идеалистической точки зрения»; «...это идеалистическая точка зрения – вот что нас беспокоит». Ему важно было понять – верно ли, что он и Аджемян мыслят совершенно по-разному. Ведь оба они на словах не отрицают марксизм, но оказывается, что можно утверждать марксистские идеи в противоположных модусах. Если для Губера марксизм – это признание экономики первичным фактом образования наций, то для Аджемяна первичным фактом является культура!

(Губер). Вы считаете, что нация – это есть культура!

Х.Г. Аджемян. Вы правильно расшифровываете мою мысль. Когда я говорю, что культурное наследие, культурный облик, духовный облик является той сферой, которая определяет нацию, я как раз хочу сказать, что то, что мы называем культурой, это есть произведение авторов, принадлежащих к определенной нации, это есть выражение нации. Нация является субъектом, культура является объектом. Нация является автором, а культура является произведением этого автора. Это для меня совершенно ясно. И в этом есть критерий определения нации. Я не хочу этим сказать, что экономика не играет никакой роли в формировании нации. Наоборот, она играет первейшую роль как базис, как почва, но она не дает критерия для определения нации²¹.

Надо отдать должное изощренности философских рассуждений Аджемяна, которые оказались неожиданными для тех, кто оставался в плену догм. Прежние способы разоблачения «антинаучных взглядов» явно уходили в прошлое, – обществоведческая наука с трудом выходила из сталинского плена цитат, опасаясь свободы мысли больше, чем самих аргументов в споре.

(Х. Г. Аджемян) Вы говорите, что экономика для нас является первенствующей, мы признаем примат экономики. Но дело в том, что примат экономики, в признании которого я с вами не расхожусь, который я признаю, не означает, что эта категория более высокая. Она первичная, но не более высокая. Я помню, в одной философской диссертации диссертант употреблял такое выражение – «материя как наивысшая категория». Я там сказал, что материя не является наивысшей категорией, материя является первичной, а между первичной и наивысшей большая разница. То же и дух, сознание, культура – это вторичное, но это не значит, что это низшее. Наоборот, сознание, дух, самосознание – это явления более высокого порядка, чем экономика²².

Аджемян отстаивал не только свои новаторские взгляды, но он также боролся за академические манеры в обращении друг с другом. Получив машинописную стенограмму 15 декабря 1957 г., он приписал своей рукой:

²⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 45. Л. 55.

²¹ Там же. Л. 83–84.

²² Там же. Л. 85.

После проверки стенограммы отмечаю, что А.А. Губер на мою благодарность не ответил той благодарностью, которая стала нормой для академических кругов истстари. Это характерно! Хотя я, поставив этот доклад и не рассчитывая на благодарность Отд. Ист. наук, но должен отметить это нарушение научного этикета и что важнее – научной этики, корни которого (нарушения) очень глубоки»²³.

В этой дискуссии не возник консенсус – каждый остался при своем мнении, но иначе и быть не могло. Спор шел не об аргументах, а скорее об установках мышления. Или мыслить с прежней уверенностью, что экономика определяет собой культуру, или рассуждать без заранее готовых ответов, но с установкой на первичность самосознания как единственного фактора, без которого немислима никакая «нация» и «национальная культура». Аджемян выполнил свою историческую роль, проводя рефлексивный анализ сталинских тезисов по «национальному вопросу». Таким образом сама дискуссия вольно или невольно вынуждена была проблематизировать понятийную сферу традиционного научного дискурса. Именно этот шаг, казалось бы, незаметный, на самом деле породил собой десталинизацию научного сознания. Так постепенно люди науки выходили из египетского плена цитат классиков марксизма-ленинизма, чтобы обрести новый горизонт мыслительного процесса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Х.Г. Аджемян

Критика взгляда т.наз. «буржуазной нации» (тезисы)*

1

В нашем докладе критика (здесь и далее подчеркнуто в машинописи автором. – А.Ю.) ошибочного взгляда, как якобы буржуазного по своей сути явления, мы постараемся провести не путем анализа методологии этого

²³ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 45. Л. 94.

* Доклад Х.Г. Аджемяна был прочитан 28 ноября 1957 г. в Отделении исторических наук АН СССР. Его содержание вызвало в основном критические высказывания участников дискуссии. Однако позиция Аджемяна не была опровергнута аргументами, а скорее не принята в соответствии с установкой, что нации формируются, прежде всего, в культурном самосознании и экономические факторы, на которые указывал И.В. Сталин, решающего значения не имеют. Участники дискуссии (Б.Ф. Поршнев, А.А. Губер, Д.В. Мочалов, Г.Л. Кабаев и др.) отвергли пересмотр марксистской концепции национального вопроса, в котором не предполагалось, что факты культуры имеют первоочередное значение в истории формирования наций. Доклад Аджемяна заставил участников обсуждения проблематизировать то, что не подвергалось сомнению, а именно: само установочное знание марксистской науки. Тезисы Х.Г. Аджемяна сохранились в двух вариантах (АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 457. Оп. 1. Д. 56; Ф. 457. Оп. 1. Д. 45). Отличаются они незначительной авторской правкой. Опубликован тот вариант (Д. 45. Л. 1–16), который был воспроизведен вместе со стенограммой обсуждения. Я рассматриваю его как конечный продукт редактирования машинописной рукописи. Мне пришлось произвести незначительную корректировку текста в связи с тем, что для Аджемяна русский язык не был родным: явные ошибки я исправлял, а те, которые демонстрируют его экспрессивную лексику, оставлял с указанием, что это авторский стиль.

воззрения, а путем положительной разработки самой проблемы нации, отвечая, главным образом, на три вопроса:

а) Каков научный критерий определения происхождения и формирования нации.

б) Каковы результаты применения этого критерия в отношении таких наций, как китайцы, индусы, египтяне, евреи, греки, римляне, армяне, грузины и т.д., с одной стороны, и русских, французов, англичан, поляков, чехов – с другой.

в) Какова классовая сущность нации в период капиталистической общественно-экономической формации с точки зрения того нового качества, которое обрели нации на этой стадии развития.

В заключение мы дадим основные определения нации, которые в свете положительной разработки этой проблемы должны заменить тот взгляд, который все еще господствует среди нашей интеллигенции под названием «буржуазной нации» в период досоциалистической формации.

2

В плане определения критерия нации следует прежде всего учесть, что нация как историческая категория, естественно, не могла существовать во все тысячелетия развития человеческого рода на всем протяжении пяти исторических общественно-экономических формаций. Но это не значит, что правомерно на этом основании решить вопрос так, что лишь капитализм породил нации. Насколько несостоятелен нацистский взгляд на нацию, как нечто вечную категорию (так! – А.Ю.), настолько же априорным и бездоказательным нужно признать взгляд, будто лишь развитие экономической общности на уровень капиталистического хозяйства способно народность превратить в нацию. Народность имеет и другой смысл, когда, например, говорим народность правления советским государством, а потому можно было бы заменить этот термин этносом.

На заре возникновения человеческого рода существовали лишь расы, из которых постепенно отпочковались племена. Найти в этих племенах, а тем более в расах что-либо общее с нациями, разумеется, абсурдно. Но вот разветвление племен в течение долгих веков приводит к новому синтезу – к народности. Процесс дифференциации расы (монгольской, арийской, семитской и т.д.) в племена и процесс генерализации, синтеза этих племен в народность, – представляет из себя ту предысторию нации, которая длится до тех пор, пока (не) появляется новый фактор, который превращает народность в нацию.

3

Трудность определения нации состоит в отыскании этого фактора. Установить «этногенез нации» – значит установить, что же нового произошло в процессе развития народа, которое эту аморфную стихию, или более точно безнациональную массу, превратило в нацию, т.е. единый организм с определенным обликом, чувством единства, воли, мысли, восприятия, словом, общностью духовного склада. В поисках этого фактора (или факторов) мы даем себе отчет в том, что он должен быть или из сферы базиса, или из сфер надстройки, т.е. либо вырастает на почве экономики, либо духа (культуры, политического, правового самосознания).

4

Что этот фактор не возникает на почве базиса, как фактор экономики, производственных отношений, это явствует из того, что нации возникли на разных ступенях экономического развития, явствует из того, что экономическая разруха часто в истории не ослабляет национальное чувство и единство, а, наоборот, укрепляет, усиливает его (пример Пруссии и России в период нашествия Наполеона из новой истории или появление Аннибала у ворот Рима из истории древней). Другой пример: японцы – одна из наиболее своеобразных наций нашей планеты в экономике и промышленности проявляла исключительный талант подражания Европе; однако их национальное своеобразие выступает как раз не в таланте этого подражания, а, наоборот, в особенностях их душевного склада, нравов, норм поведения и мышления.

5

Когда же мы берем такой фактор из базиса, как (фактор) экономического единства, то мы попадаем в другое логическое противоречие, а именно: приходим к такому абсурду, что греки стали нацией лишь во II половине XIX в., тогда как золотой век национальной культуры, коей и поныне и долгие века впредь законно могут гордиться греки, относится не к прошлому веку, а... (к) V веку до нашей эры, – Перикл, Фидий, плеяда поэтов и философов, представляющая(ся) абсолютной ценностью, гордостью древнегреческой национальной культуры. То же самое относится к египтянам, китайцам, индусам, армянам, грузинам и т.д., которые экономическую общность обрели лишь в прошлом веке (да и то довольно относительно общность!), а национальное становление их относится к седому прошлому, когда они внесли в мировую сокровищницу непреходящие ценности. Иранцы обрели экономическую общность лишь в XIX веке, но Фирдоуси, Гафыз, Хаям, Саади, персидские миниатюры, музыка, танцы, богатый язык и т.д. имеют более чем тысячелетнюю историю, образуя алтарь национальной культуры этой древней нации, не вкусившей из чаши благ и зол экономической общности.

К тому же буржуазия – герой экономической общности этих стран – выступает не всегда за национальный фактор, а лишь тогда, когда ее экономические интересы требуют стать на защиту национального признака, идеи, общности и т.д. Космополитическая сущность буржуазии очевидна и как говорил поэт: «покрыты мздою очеса» и не ей стать в защиту национальных интересов!

6

Именно поэтому мы направляем наши поиски в сферу надстройки – культуры, политики, права, чтобы найти решающий фактор национального становления бывших народностей. Но и здесь вначале нас ставит в тупик та очевидная истина, что надстройка была еще со времен первобытного общества, еще тогда, когда дикарь был способен к каннибализму и украшению пещер художественными изображениями. Если так древна человеческая культура (надстройка), то что же принять за десницу Кощя, которая,

прикоснувшись к неблагородному веществу, – превращает его в золото – в нацию? Мы не сомневаемся, что греки времен Сократа, Платона, Демокрита и Аристотеля составляли нацию, но что же является истоком этого национального становления – не знаем. Анализ развития древних народностей и наций нас приводит к тому, что из исторической арены исчезли те народности, которые не дошли до ступени объективации или опредмечивания своей духовной природы, т.е. не могли создать произведения культуры и искусства, которые выражали бы их духовную субстанцию²⁴. Как только народность дошла до ступени этой объективации, ее дух обретает предметную конкретность и совершается тот скачок, который известен в философии и социологии как переход от ступени сознания к самосознанию.

7

И в самом деле, создание письменности, развитие языка и литературы, формирование национальной культуры в виде отражения в книгах (папирусных и пергаментных) истории народа, его фольклора, его эпоса, религиозных и правовых устоев дают аттестат зрелости каждой народности, о том, что она уже стала нацией. Вслед за тем, как бы волшебным жезлом, появляются и более поздние атрибуты национальной культуры: нотописание, театр, теоретическая (а не лишь эмпирическая) архитектура. Наконец, философия и отпочковывающие(ся) из нее положительные науки дорисовывают портрет духовного облика нации.

8

Однако этим еще не ограничивается сила самосознания. Народ осознает не только свою духовную самость, но и физическую. Каждой нации становится дорогим ее физические, физиономические особенности, которые так же опредмечиваются в искусстве, получают реальное и идеальное изображение, выдвигая нормы прекрасного. На этой стороне надо особенно акцентировать, ибо, говоря о нации, говорят лишь о языке и в лучшем случае о душевном складе. Физическая же особенность, которая часто является паспортом национальной принадлежности, у нас не принято (о ней) говорить. Видимо потому, что есть боязнь «биологизировать» понятие нации, т.е. попасть в ересь нацизма, расизма. На деле, констатируя наличие этого признака, мы лишь дополняем состав национальных признаков, отдавая должное и этому фактору, ибо когда, напр., говорят: «Гоар Гаспарян – типичная армянка», то обычно мы задаем вопрос: «в каком смысле?», и здесь может последовать ответ: «по внешности», или «по культуре», или, наконец, «в смысле внутренних и внешних качеств». Уже в этом обыденном диалоге ясно видно, что эта сторона национального облика – не пустяк. Даже такая деталь, как изящество ног у китайки, является одной из сторон национального художественного чувства. Разумеется, у каждой нации свои особые достоинства. В этом

²⁴ «Пользуясь этими философскими терминами Маркса и вообще немецкой классической философии, я хочу лишь показать, что концепция, защищаемая мною, уже в своей потенции была заложена в философско-исторической литературе прошлого века. Х.А.»

смысле и прекрасная баллада А. Мицкевича в чудесном переводе великого Пушкина «Будрыс и его сыновья», воспевающая красоту польских женщин, является лишь одним из ярких образцов этой истины.

9

Но мы, как марксисты, должны дать ответ на такой важный вопрос: на какой же ступени общественно-экономической формации возникает способность к такому скачку от ограниченного сознания к самосознанию, когда появляется потребность к познанию самого себя, к устремлению своего сознания вовнутрь своего духа для постижения своей самости. Небезынтересно, что у Гегеля в его «Феноменологии духа» скачок от сознания к самосознанию происходит в период наличия борьбы между «господином и рабом», т.е. в период рабовладельческой формации. Многие подтверждает истинность этой мысли, столь гениально изображенной в труде, о котором с восхищением говорили Маркс и Энгельс, к которому обращался Ленин в самые тяжелые годы своей работы в качестве кормчего во главе советского государства. Но если по отношению египтян, индусов, китайцев, греков и т.д. такое совпадение национального становления и рабовладельческой формации бесспорно, то по отношению ряда наций – русских, французов, немцев, англичан и т.д. – дело обстоит иначе, ибо их национальное становление происходит в рамках феодализма. Из этого вытекает вывод о наличии различных формирований нации, а именно: а) наций древнего формирования, б) наций средневекового формирования.

10

Но когда мы обозреваем богатое царство национальных образований, то обнаруживаем, что эти два формирования являются основными, но не единственными, что процесс формирования новых и новых наций продолжается и в период капиталистической формации и даже в недрах социалистической формации. Примером первой может служить североамериканская нация, которая возникла в чрезвычайно специфических условиях, а именно ее создали люди, принадлежащие иным, уже развитым нациям. При всем уважении к этой нации следует сказать, что, как это ни парадоксально, насколько любовью гражданин США является патриотом своей нации, настолько он и является национальным отступником той нации, которой он принадлежал когда-то. Те же немногие граждане, которые в национальном отношении не пошли по пути отступничества, стали очень опасными гражданами для своей родины, как, напр., те немцы, которые не ассимилировались в этом этническом котле, стали как в Первой, так и во Второй мировых войнах вести подрывную работу против США в пользу своего «фатерланда». Таким образом, противоречивый характер буржуазии, которая, с одной стороны, склонна к разжиганию национального фанатизма, а с другой стороны, ее же склонность к космополитизму и погоня за личной прибылью ценой растоптывания национальных интересов, сказались на общей духовной природе этой нации – чада капиталистической формации. Пороки родителей воплотились в детях. Следует, наконец, отметить, что процесс формирования новых наций при капитализме продолжается.

11

Что касается наций, рожденных в период социалистической формации, то их можно было бы с большим правом называть социалистическими нациями, имея в виду ту непреложную истину, что они во всех предыдущих 4 формациях были настолько далеки от столбовой дороги человеческой культуры, их цивилизации, что еще не успели прийти до степени национального самосознания, самости, не имели своего алфавита, письменности, иных культурных атрибутов. Однако у нас по известным причинам укоренилась иная терминология, и социалистической нацией называется любая нация Советского Союза. В результате великая русская нация, напр(имер), называлась «буржуазной нацией» до 1917 г. и «социалистической» после Великого Октября. Разумеется, русская нация формировалась не в период капиталистической формации, а еще в недрах феодализма, ибо национальное самосознание было присуще русским еще в период Александра Невского. «Слово о полку Игореве» есть блестящий документ национального самосознания. Все это говорит за то, чтобы была принята иная терминология, а именно – не «буржуазная русская нация», «социалистическая русская нация», (а) русская нация периода феодализма, ...(русская нация) капитализма, ...(русская нация) социализма. Термин же «социалистическая нация» может подойти к якутам, ненцам, самоедам, ингушам, балканам (так! – А.Ю.) и иным юным нациям. Трехформационная долговечность присуща также таким нациям, как поляки, чехи, украинцы, сербы, болгары, венгры и т.д. Армяне и грузины хотя и формировались на несколько веков раньше, чем эти нации, но они также укладываются в трех формациях. Правда, армянский театр возник при Тигране Великом, т.е. в I в. до н.э., однако это был не национальный театр, точнее, это была разновидность греческого национального театра в условиях армянского двора. Армяне при Тигране Великом еще не были нацией, ибо национальное самосознание со своими атрибутами: армянский алфавит, письменность, искусство, историография, наука начали получить реальное очертание лишь в IV в., и наконец в V в. в битве на Аварайте²⁵ обнаружилось, что армяне действительно составляют подлинную нацию с развитым национальным, политическим и правовым самосознанием.

Что же касается имеющего широкое хождение выражения «буржуазная нация», то сторонники этой теории (проф. Дружинин, проф. Сидоров А.Л. и др.) обычно оправдывают этот термин на том основании, что буржуазия в период капиталистической формации является господствующим классом. Однако это господство в сфере идеологии весьма противоречиво. В период засилия вульгарной социологии было обыкновенным делом отдать Пушкина, Лермонтова и др. *великих национальных ценностей* (так! – А.Ю.) дворянству, Достоевского, Гончарова, Чехова – буржуазии. На деле буржуазия не способна была создать подобных ценностей. Еще один из героев Достоевского заметил, что русская национальная буржуазия безнациональна. Класс, который в условиях роковой Первой мировой войны был готов отдать Питер немцам, лишь был задушить великое революционное движение

²⁵ Аварайская битва произошла в 451 г., это крупнейшее сражение в истории Армении. Оно было на Аварайском поле; армяне, возглавляемые Варданом Мамиконяном, разгромили войска Сасанидов.

русской нации, не создавал и не мог создавать бессмертных ценностей в сфере национальной культуры. Все русские гении, вышедшие из дворянства, буржуазии или крестьянства, были явлениями общенациональными, т.е. не буржуазными, а выразителями тех народных масс, которые составляют 95% всей нации. У того же Достоевского (см. «Идиот») молодой миллионер Рогожин не только не читал, даже не слышал имя Пушкина. И это в условиях 60-х годов! А ведь Рогожин духовно одаренный человек, а не кретин, чтобы объяснить дело какими-либо исключительными обстоятельствами. Исключение составлял не Рогожин, а скорее братья Третьяковы или С. Морозов. Мои оппоненты скажут, что буржуазия могла не породить гениев, но выходявшие из иных классов гении могли тем не менее по характеру, сущности своей *идеологии мировоззрения* (так! – А.Ю.) быть буржуазными. Но это и как раз нельзя доказать, ибо идеология революционных демократов, а тем самым и Гоголя, Пушкина, Гончарова, коих они так страстно пропагандировали, по сущности своей была антибуржуазной, разрушающей устои буржуазной реакции. Гений созидательной энергии буржуазии проявлялся не в сфере национальной, а в социально-экономической жизни, где он выступает как катализатор развития техники, индустрии, торговли и финансов – категории, которые не пахнут нацией. Если Карлейля, Ницше, Киплинга можно с некоторым правом отдать буржуазии, то Герцена, Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Толстого отдать этой антинациональной силе довольно странно и смешно.

12

Итак, в нашем определении наций мы опустили столь важные стороны ее, как экономическая общность и территория, и ограничивались лишь языком, культурой, национальным характером, включив здесь и физические особенности наций. Легко предвидеть, что такое «невнимание» к указанным двум признакам нации можно истолковать как идеализм, мистику, немарксистский подход и т.д. Я уже объяснил, почему я исключаю экономическую общность из неперенных признаков наций. Что же касается территории, то, признавая важность этого фактора, все же я считаю, что это не тот признак, без которого «национал» теряет свой национальный облик. Велика важность этого признака для нации, но не для ее отдельных представителей. Иной раз эти последние, покинув национальную территорию, становятся еще более крепко связанными со своей Родиной. Революция выбросила из территории около трех миллионов русских, а также много украинцев, грузин, армян и т.д. Значит ли, что они потеряли свою национальность и, живя, скажем, в Лондоне, стали англичанами? Нет. А их дети? Если допустить, что их дети получили бы в национальных школах свое среднее образование, то и дети не денационализировались бы. Но и при отсутствии такого образования наш «лондонский русак» еще не может быть принят в лоно английской нации. Верно, что ассимиляция разовьется, но она осуществится именно из-за потери национального облика (язык, культура, характер, физиология и т.д.), а не территории. А вот оставим в стороне нашего лондонца и возьмем пример многомиллионной, хотя и не типичной нации – евреев. Хотя они и не признаются нацией из-за отсутствия территории, но это не помешало тому, чтобы они были и остались весьма ярко выраженной нацией.

Хотя они и живут в Европе на протяжении тысячелетий, но они, даже потеряв язык, не потеряли свой национальный характер, духовный склад, физиологию и т.д. Голландский мыслитель Спиноза своей философской системой явно обнаруживает свою национальную первооснову. Немецкий поэт Гейне своим юмором, остроумием говорит о том, что в нем немецкого очень мало. Есть один веский аргумент против этого утверждения о том, что евреи – нация; он состоит в том, что сами евреи очень часто яростно отрицают, что они – нация.

– Я лишь по происхождению еврей, – доказывал профессор политэкономии Е., в личной беседе со мною. – По происхождению же нельзя судить, ибо мы – не расисты. Я русский.

Если бы так рассуждали все евреи и при этом без какого бы то ни было фарисейства, наши доводы в пользу еврейской нации – отпали бы. Но даже тогда факт созданного государства Израиля о чем-то говорит. Да и даже о многом! Нация создавала Библию, Храм Соломона, религию единобожия в условиях древности и само понятие фарисейства, нация, способная тысячами не ассимилироваться, может ли ассимилироваться в наш век возвышения национального фактора над космополитической пустой доктриной? Разумеется, нет!

13

Из сказанного мои оппоненты могут делать вывод, что я слишком раздуваю значение нации и что при прежней концепции «буржуазной нации» легче было бы расправиться с националистической опасностью. Но не наоборот ли?

Дело в том, что с «гидрой национализма» мы тягались лет 25, ведя борьбу на двух фронтах. Первый фронт был великодержавный национализм. Второй – местный. Легко видеть, что борьба таким образом велась не на двух, а на одном фронте, так как оба участка борьбы составляли одну опасность – национализма (хотя в его двух формах). А как можно было бы обеспечить не мнимую, а истинную борьбу на двух фронтах? Надо было, разумеется, вторым фронтом сделать национальный нигилизм, национальное отступничество со всеми его выражениями. Результаты такого мнимого представления двух фронтов известны как в РСФСР, так и в условиях наших национальных республик. Истинный второй фронт создан лишь после 1953 г., и он дает свои прекрасные результаты, ибо меры, предпринятые Партией, зиждутся на заветах Великого Ленина и чутком отношении к национальным чувствам наших народов.

14

Но следует также учесть, что нашими определениями о нации мы сузили место и значение национального фактора, а не раздували, ибо мы свели этот фактор к чисто надстроечным явлениям, оторвав от того базиса, к которому он крепко был прибит. Ведь если допустить, что именно экономическая общность создала почву для становления народности в нацию, то легко сделать вывод, что чем больше развивается эта общность, тем больше

и развивается сам национальный фактор. Такое перманентное усиление национального фактора в зависимости от развития экономики вытекает из самой логики (о) мнимой нерасторжимости связи, которая якобы существует между нацией и экономикой.

15

Оторвав понятие нации от понятия экономической общности, считая территорию непременным признаком (ее) для нации, но не для национальной единицы, без которой нация не может якобы существовать, мы считаем обязательным (такие) национальные признаки: национальное самосознание, понимание своей национальной самости каждой личности нашего времени. Спаянная таким образом одной единой культурой, в которую входят и язык, и искусство, и знание истории, и знание своей земли, сильных и слабых сторон, обычаев, традиций и т.д., нация представляет из себя единый организм (см. гл. «О национальном единстве» из «Государства и революции» Ленина). Разумеется, это единство диалектично, противоречиво, но при всем том оно обладает качественной определенностью. Наличие классовой борьбы не уничтожает, а подтверждает это единство, как доказывал еще Маркс.

16

Но глядя вглубь грядущих веков и имея в виду ближайшие века, можно уверенно сказать, что антагонистические классы на нашей планете в течение одного века будут устранены и на их месте останутся неантагонистические, тогда как антагонизм наций заменится дружбой наций, а сами нации разовьют свою культуру, свои потенциальные силы, породят такой благородный элит (так! – А.Ю.), какой еще нации не могли выдвигать вследствие существующих оков национального и социального порядка. Национальный нигилизм, как и шовинизм, сгинут, как две крайности, взаимно определяющие друг друга, и из чаши национальной культуры для алчущих душ будет пениться бесконечность абсолютных ценностей в сфере искусств, науки, творчества!

17

Марксистская литература о нации за сто лет была богата оттенками и вариациями решений национальной проблемы, но все же здесь нужно выделить те решения, которые, с одной стороны, согласуются с духом и тенденцией современной истории, с другой стороны, соответствуют теории пролетарской революции, развитой Марксом и Лениным (см. Ленин «Государство и революция» в разделе «О единстве нации»). Оба эти момента: а) историческая тенденция; б) теоретические предпосылки Маркса и Ленина – отдают должное национальному фактору и тем самым фактору единства нации. На другом полюсе мы имеем разные оттенки национального нигилизма, господствующего в теории и практике долгие годы. Одним из любопытных образчиков этого нигилизма может служить «прогноз» К. Каутского

о той нации, к которой он со стороны отца принадлежал. Еще в 1908 г. он предрек неизбежность ассимиляции чехов с австрийцами на том основании, что: «капитализм развивается быстрее, чем чешская культура». Через 10 лет этот прогноз сбывается... с обратной стороны. Но Каутский меньше всего характерен для нац. нигилизма, ибо теория «буржуазная нация» стала гораздо (более) грозной силой на этом фронте и играла роль молоха по отношению национального элита (так! – А.Ю.) народов СССР.

18

Итак, нации появились не раньше рабовладельческой формации и могут появляться не позже социалистической формации. Они – явления не социально-экономического характера, а социально-культурного порядка, включающие в себя общность исторического, географического происхождения, общность языка, культуры, физиологических особенностей, обычаев, морально-этических и эстетических склонностей, составляющих национальный характер. Этот последний имеет очень важное значение с любой точки зрения, и в том числе с точки зрения политической, и не есть некая мистика, как полагают нац. нигилисты (события в Венгрии один из сигналов того, что за этой мнимой мистикой – реальное содержание национального духа и морально-политического единства, учесть которое следовало бы клике Ракоши и др.).

Публикация и комментарии А.Л. Юрганова

Список литературы

- Илизаров Б.С.* Почетный академик Сталин и академик Марр. О языковедческой дискуссии 1950 года и проблемах с нею связанных. М.: Вече, 2102. 432 с.
- Письма Анны Михайловны Панкратовой (вступительная статья Ю.Ф. Иванова) // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.
- Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.

On the first experience of de-stalinization in the philosophical explanation of the “national issue” (1957)

Appendix: Horen G. Ajemyan. The critique of so called “bourgeois” nation

Andrej L. Yurganov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: iurganov@yandex.ru

The article considers the situation in the USSR after the XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union, when some ideological prohibitions had fallen and it became possible to discuss various philosophical problems without the fear that of punishment. This did not mean that freedom of speech became full-scale – no, it was limited by the decisions of the same XX Congress of the party, which, having debunked the cult of Stalin, nevertheless forbade to think that the entire ideology of the communist leadership

was false, the entire policy of the Soviet power was violent. Already during the war, it had become possible to speak not only from the standpoint of class struggle, but also from the standpoint of national priority in the assessment of certain events. After Stalin's death, who was the main theorist of the national question, there was a need to question some of Stalin's fundamental theses about the nature of nations – the reasons for their emergence. In 1957, H.G. Ajemyan, a talented publicist and philosopher, made possible a public discussion of the talk he had given at the Department of Historical Sciences of the Academy of Sciences of the USSR. The discussion was not broad, but the surviving transcript of the participants' speeches gives an idea of how philosophical thought in the era of the XX Congress freed itself from the dogmatic attitudes. Ajemyan's provocative talk revealed the inner consciousness of the humanities, which metaphorically conceived of itself as located at the intersection of a number of roads. The article further explores the described state of history and philosophy as a crisis.

Keywords: Marxism, national issue, nation, Ajemyan, Stalin, XX Congress of the CPSU

For citation: Yurganov, A.L. "O pervom opyte destalinizatsii v filosofskom ob'yasnenii 'natsional'nogo voprosa' (1957 god)" [On the first experience of de-stalinization philosophically speaking of the "national issue"], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 138–157. (In Russian)

References

- Ilisarov, B.S. *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr. O iazykovedcheskoi diskussii 1950 goda I problemach s neiu svyazannykh* [Honorary Academician Stalin and Academician Marr. On the 1950 language debate and the problems associated with it]. Moscow: Veche Publ., 2012. 432 pp. (In Russian)
- Ivanova, Yu.F. (ed.) "Pis'ma Anny Michailovny Pankratovoi" [Anna Pakratova's Letters], *Voprosy istorii*, 1988, No. 11, pp. 54–79. (In Russian)
- Yurganov, A.L. *Russkoe nazional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov epochi stalinizma* [Russian National State. Life world of historians of the Stalinist era]. Moscow: RGGU Publ., 2011. 765 pp. (In Russian)